

ВЕЧЕРНИЙ ДЕТЕКТИВ

ЕЛЕНА
ДОРОШ

ПОСЛЕДНИЙ ДАР
ЭЛИЗЫ

НАЙТИ ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПЕРСТЕНЬ ПУШКИНА

Вечерний детектив Елены Дорош

Елена Дорош

Последний дар Элизы

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дорош Е.

Последний дар Элизы / Е. Дорош — «Эксмо»,
2026 — (Вечерний детектив Елены Дорош)

ISBN 978-5-04-254565-8

В доме недавно умершей дальней родственницы Тимофей находит ампулу от лекарства, которое она не принимала, и кусок сургуча с печатью. Привычка профессионального спортсмена доводить дело до конца приводит его к известному учёному, и тот высказывает невероятное предположение: отпечаток на сургуче мог быть сделан перстнем, подаренным Пушкину Елизаветой Воронцовой, и случилось это не так давно. Но знаменитый перстень с сердоликом пропал из музея более ста лет назад. Каким образом он мог оказаться у деревенской бабушки? Тимофей не догадывается, что желание выяснить причину смерти родственницы сделало его врагом очень опасных людей, и за правду он может заплатить собственной жизнью. Елена Дорош — философ и тонкий психолог. В увлекательной форме остросюжетного романа она рассказывает о вечных ценностях: любви, доброте, взаимопонимании и взаимопомощи. В ее книгах добро всегда побеждает зло, а справедливость торжествует.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-254565-8

© Дорош Е., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Бегство	6
Авария	9
Генеральная уборка	14
Сургуч	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Дорош

Последний дар Элизы

© Дорош. Е., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Бегство

Тим бежал и поражался тому, что скорость не растет, а падает. Он «давил на газ» так, что глаза вылезали из орбит, но ноги не желали подчиняться, переставляясь все медленнее, все неохотнее.

Как так может быть? Его беспрекословно слушается даже Петя, самый строптивый из всех его мотоциклов, а собственные ноги посылают на три буквы!

Нет, так дело не пойдет!

Он заставит их работать, как заставляет байки!

Петя появился у него почти сразу, после первой победы в мотокроссе. Это было нереальной удачей, просто повезло. Спонсор соревнований оказался невероятно щедрым. Потом появился спортивный эндуро, байка стало уже два, но любимым оставался самый первый, собранный с верой в то, что этот Петя изменит его жизнь.

Изменил, нечего сказать.

Надсаженные мышцы окончательно отказались служить, когда впереди уже слышался слабый гул. Шоссе близко.

Тим привалился к теплему стволу березы, вжался лицом в мягкую белую кору и сунул руку в карман, нащупывая перстень.

Заира сказала, что кольцо помогает только тому, кому предназначено.

Наверное, оно помогало неведомому Симхе, сыну почетного рабби Иосифа.

Ему не поможет. Это тебе не кольцо всевластия: надел и исчез. Впрочем, кажется, от наугулов и оно не спасало.

И вообще. О чем он думает? Доберманы Шустицкого уже рядом, еще минуту тут потопчется, и с ним случится то же, что с Пушкиным: получит пулю. И хорошо, если в живот. Теперь такие раны лечат на раз-два.

Ха! Лечат! Это, если доберешься до врачей. Его бросят подышать в лесу или добьют. Скорее второе, чем первое.

Тим заставил себя оторваться от березы и двинулся дальше.

Странно, но после мыслей насчет пули в живот ноги словно очнулись от спячки и теперь почти бежали.

Ага, испугались!

Гул шоссе все нарастал, среди деревьев наконец показалась прямая линия дороги.

Тим буквально вывалился из леса на проезжую часть и махнул рукой.

Мимо, мимо, мимо.

Да остановитесь же, черти!

Не видите меня, что ли?

– Вот он! – раздалось сзади.

Ну, все.

Не успел.

Несмотря на фамилию Матрос, после университета Тимофей служил в танковом взводе, и хохм по поводу матроса в танке, который круче, чем обезьяна с гранатой, наслушался на сто лет вперед. Впрочем, службой он остался доволен и, вернувшись, работать по специальности не пошел. Радиотехнический факультет считался статусным, но найти после него работу было непросто. Да и не лежала душа к этому делу. Тим устроился обычным водителем «КамАЗа» и не прогадал. В той конторе, где он работал, двое парней были фанатами мотокросса. Через год Тима взяли в команду гонщиков.

Это дело захватило его настолько, что еще через год он выиграл первые соревнования, получил приличную сумму и потратил ее на кастомизированный – сделанный по индивидуальному заказу – мотоцикл.

Тим назвал его Петя. Тим и Петя. Два неразлучных друга. Два товарища.

Казалось, что жизнь вошла в колею, которая ему нравилась и которую он считал своей.

Со Светкой они встречались с первого курса института. Она дождалась его из армии, они сразу сыграли свадьбу и зажили обычной для молодоженов жизнью: работа, компании друзей, походы, вечеринки по выходным и мечты о собственном доме.

На приличное жилье он заработал через четыре года, и это окончательно скрепило их союз. Все у них было, как у всех, и Тима это устраивало.

О детях речи не шло. Светка хотела еще немного пожить, как она говорила, «налегке», а он вообще был занят только своим байком и пропадал на соревнованиях.

Светка не возражала. Ей и самой было чем заняться. Она не сомневалась, что хороший экономист всегда в цене, поэтому постоянно записывалась на разные курсы. Повышала квалификацию, так сказать. Тим был доволен и ею, и жизнью в целом. Впрочем, особо он над этим не задумывался.

Момент, когда у Светки поехала крыша, он пропустил. Заметил, когда все зашло слишком далеко – года через три. Оказалось, его жена заделалась активисткой никому не известной партии, развила бурную деятельность и даже собралась куда-то баллотироваться. В один прекрасный момент непонятно для каких партийных нужд ей потребовалось покреститься, что она и сделала с помпой, в присутствии соратников. Самое непонятное заключалось в том, что в качестве крестного отца Светка позвала его приятеля Ромку Савицкого, который был далек от религии, как бегемот от балета. Впрочем, резон прозрачен: Ромка был одним из самых успешных в регионе бизнесменов и лицом медийным. Его присутствие в роли крестного произвело впечатление на Светкиных однопартийцев и местный бомонд, к которому Савицкий принадлежал не только из-за денег, но и по рождению, то есть происходил из статусной семьи. Ромка немного ошалел, но отказать не решился и с того дня стал называть Светку Фотиньей – по имени, данному при крещении. Именно он первым посоветовал Тиму приглядеться к жене внимательнее.

– Она, конечно, красивая баба и чудачества может себе позволить, но Фотинья – это уже перебор!

Тим тогда отмахнулся. А зря. Светкина активность крепла день ото дня, но к религии никакого отношения по-прежнему не имела. В доме никогда не было икон и после крещения больше не стало. Напротив, все развернулось в противоположную сторону. Светка накупила нарядов в стиле партийных дам высокого полета и стала что ни день надевать новые костюмы, платья и туфли. Куда она в них ходила, было непонятно до того вечера, когда он случайно включил канал местных новостей и увидел свою жену в строгом костюме, но с бриллиантами в ушах и красной помаде, вещающей о социальной справедливости и борьбе за права простых граждан региона. По Светкиным словам выходило, что ее партия сможет решить их проблемы, надо только за нее проголосовать.

Тим слушал заученный штампованный текст, глядел на совершенно чужую женщину на экране и охреневал.

Как такое могло случиться? Где вообще он был, что позволил Светке превратиться в ЭТО?

Впрочем, этот шок долго не продлился.

Ему на смену пришел новый.

На следующий день Светка заявила, что фамилия Матрос не совпадает с ее реноме – так и сказала, поэтому им обоим следует поменять ее на девичью фамилию его матери – Стенина.

До замужества сама Светка носила фамилию Лавочкина, которая тоже, по-видимому, с новым реноме не монтировалась.

– Стенина звучит по-русски, но благородно, не то что Матрос!

Тим очень уважал свою маму, но отцовскую фамилию, с которой родились, жили и сражались в трех войнах его предки, ни на что менять не собирался, о чем и сообщил дражайшей половине.

Разразился скандал. Серьезный. Первый за все время.

Узнав о себе много нового, Тим не выдержал и уехал ночевать к Юрке, товарищу еще со школьных лет.

На следующий день вернулся, надеясь в спокойной обстановке поговорить с женой по душам, но той дома не оказалось. Не вернулась она и на другой день, к тому же ее телефон был вне зоны доступа. То ли наказывала его Светка, то ли дрессировала, он так и не понял.

А еще через два дня ее молчания Тиму позвонили из села с прикольным названием Новяк и сообщили, что умерла его двоюродная бабка Татьяна и ему как единственному родственнику надо бы приехать и похоронить, а то не по-людски как-то получается.

Через час после звонка Тим выехал в Новяк, сообщив об этом Юрке.

Бабку Татьяну похоронили быстро и без затей. Можно было возвращаться, но вместо этого Тим решил дожидаться девятого дня, и не просто так, а поделаться что-нибудь полезное.

Например, починить крышу, убрать в доме и выкопать урожай в огороде.

А что? Середина сентября, между прочим, не гнить же добру на корню!

Это было странное желание. Любовью к домашнему труду Тим не страдал и уж тем более не славился трепетной тягой к огородничеству. То, что он наследовал эти хоромы, на порыв никак не влияло, в этом он был уверен.

Тогда что?

Может, просто не хотелось возвращаться домой?

Наверное, Светка давно спохватилась, уже и звонила, и писала, но выяснять он не стал: телефон отключил сразу, как сел в электричку, и включать пока не собирался.

Пока.

Впрочем, сколько это «пока» будет длиться, было неизвестно ему самому.

Пока – опять это слово! – не тянуло.

Прикинув объем работ, Тим начал именно с огорода. В конце концов, надо же что-то есть, а тут все под рукой овощи и зелень. Оказалось, ему вполне по силам примитивные рецепты: вареная картошка в мундире и без, но со сливочным маслом, жареные кабачки с чесноком, а также более изысканные закуски из натертой моркови с майонезом и порезанной ломтиками свеклы с уксусом.

Поймав кураж, Тим замахнулся на борщ и удивился, что тот получился съедобным, хотя и постным. Без мяса. А без мяса он жить не мог.

По субботам в Новяке работал рынок, который жители по устоявшейся традиции называли «колхозным». Утром Тим отправился туда, прихватив для покупок настоящую совковую авоську, обнаруженную на вешалке в коридоре.

Мясо продавали в ларьке около овощных рядов. Сунув в авоську выбранный кусок свинины, Тим повернулся, чтобы уйти, и в это самое мгновение увидел прямо перед собой врача-офтальмолога, к которой ходил на прием год назад.

Он даже глаза протер, потому что это был настоящий сюр: питерская врачиха торговала овощами на рынке в Новяке.

Авария

Эти несколько часов своей жизни он давно разложил на молекулы.

Последний круг, последний поворот. Как всегда, он вошел в него чисто. Оставалось дожать, и вот он, финиш.

И вдруг – удар, еще один и еще.

Байк бился и бился о землю, как о бетонную стену. Потом вспышка, и все утонуло в дыму. Огонь рвался к лицу, но тут его рванули в четыре руки, кинули вниз и стали колотить почем зря, сбивая пламя. У Юрки было черное лицо и злые глаза, у Сани глаза испуганно моргали, руки дрожали, а физиономия казалась мятой, как будто слежавшейся. Он тогда не понял почему. Подбежал еще кто-то, его подняли и потащили. Он видел незнакомые руки, прижимающие его к носилкам, и злился, что давят на больное.

Хотя больно ему не было.

Потом появился коридор и слишком яркие лампы в потолке. Круглые, слепящие мертвенным светом и мешающие понять, куда его везут. Впрочем, все было очевидно.

Врач, нагнувшись над ним, оттянул веки и приказал готовить операционную. Голос звучал буднично и как-то индифферентно. Это успокаивало.

Потом он увидел ловкие женские руки, разрезающие его одежду. Когда оголили живот, стало щекотно, и он улыбнулся.

Раньше он думал, что операции проходят в полной тишине, исключая команды, которые отдает врач ассистентам. Ничего подобного. Гул стоял, как в столовке в час пик. Он даже хотел попросить, чтобы говорили тише и не мешали думать. Кстати, ему сверху было отлично видно все, что происходило. Собственное странно белое тело, копошащиеся над ним врачи и чудные аппараты вокруг. Он слышал звон инструментов и чувствовал их прикосновение, когда кожу начинали резать, его очень раздражало пиканье монитора.

Самое странное заключалось в том, что ничего этого он видеть не мог. Сознание отключилось после первого удара и вернулось только через три дня.

Так ему сказали.

Он не поверил.

Он помнил каждое мгновение, каждую микросекунду и был уверен, что все это время контролировал свою жизнь.

Как всегда.

Во время обхода, радостно потирая руки, доктор сказал:

– Ну вот вы и пришли в себя!

Тим посмотрел на его довольную физиономию и ничего не ответил, хотя был уверен, что никуда не уходил. Стоило закрыть глаза, он снова и снова видел случившееся с ним в подробностях. От первой до последней секунды.

В сюжете кое-что было странным, например, то, что все происходящее он видел сверху, но смущало другое.

Повторяемость и регулярность. От запечатленной в мозгу киноленты невозможно было избавиться. Кино все крутилось и крутилось в голове. Сюжет стал настолько навязчивым, что в конце концов Тим от него устал. На работе это не сказывалось, поэтому сдаваться эскулапам он не торопился. Все надеялся, что возьмет себя в руки и справится самостоятельно.

И вот тут началось самое противное: остановить показ не удавалось ни в какую. Что бы он ни делал, какие бы фокусы ни придумывал, лента продолжала крутиться, слышалось жужжание проектора и шелест киноплёнки. Его личный кинотеатр, черт бы его побрал!

Пришлось идти с повинной. В клубе всполошились, но не слишком сильно.

– Посттравматический синдром лечится, – хлопнув его по плечу, сказал тренер. – Дай себе время.

И начал посылать его к разным врачам. Те старались, но... кинолента продолжала крутиться.

А закончилась эта видеокарусель очень просто.

В тот день он пришел на прием к офтальмологу. С некоторых пор перед левым глазом стала мельтешить странная мушка. Впервые ее заметив, он решил: что-то попало в глаз. Однако никакие ухищрения прогнать мушку не помогали, подлая тварь продолжала скакать. Прикинув варианты, Тим решил, что наверняка именно так выглядит кровоизлияние в глаз, и купил модные капли.

Когда и они с мерзавкой не справились, записался к врачу. Не хватало только окриветь на левый глаз. А вдруг это только начало?

– Деструкция стекловидного тела, – объявила ему молоденькая врачиха.

– И как это лечить?

– Никак.

– Но это невозможно! Она все время скачет перед глазами! – возмутился он. – Надо же что-то делать!

И тут врачиха выдала:

– Перестаньте о ней думать, и мозг не будет вам ее показывать.

Он поморгал и ничего не ответил, а через два дня понял: врачиха-то права. Как только он забывал об этой блохе, она куда-то исчезала и появлялась снова в тот момент, когда он вспоминал о ее существовании.

Это было открытием сродни тому, что пятьсот с хвостиком лет назад сделал Колумб. А что, если подобным образом избавиться от фантомных воспоминаний о том дне? Перестать о нем думать, и мозг перестанет показывать это дурацкое кино.

Надо только придумать, как перестать думать. Вот такой каламбур.

Однако идея его не покидала, и в один прекрасный день он пришел к той самой врачихе-офтальмологу опять. Почему к ней? Да он и сам не знал.

Врачиха долго смотрела на него, – без удивления, задумчиво, – а потом вдруг сказала, что может эти воспоминания стереть.

– В смысле? – глупо вытаращился он на нее.

– Науке известны такие методы.

– И офтальмологам тоже?

– Я не навязываюсь. Могу порекомендовать специалиста.

– Ну а если серьезно? Вы можете?

– Могу.

Это прозвучало так, что он поверил.

Она может.

Врачиха попросила закрыть глаза и считать до десяти.

«Гипнотизировать будет», – догадался он и расслабился.

Да пусть делает, что хочет!

Когда Тим пришел в себя, увидел перед собой два внимательных глаза, смотревших с нескрываемым любопытством.

– И что я должен сказать? – поинтересовался он.

– Ничего.

– Тогда спасибо.

– Тогда пожалуйста.

Он поднялся и пошел к двери.

Как зомби. Ничего не чувствуя и ничего не понимая.

Получилось или нет?

А, собственно, что должно получиться?

Весь день он провел, как во сне, ночью, напротив, спал без снов, а утром понял, что «кина» больше не будет. Кончилось.

Самое странное, что ту врачиху он больше никогда не видел. Почему не зашел, не поблагодарил? Можно было хотя бы позвонить администратору и передать, что у него все хорошо.

Не позвонил.

Он вообще не вспоминал о ней до этой минуты, когда увидел за рыночным прилавком.

Мучительно пытаясь вспомнить ее имя или хотя бы фамилию, Тим смотрел, как она взвешивает на весах морковь, набирает в пакет яблоки, считает деньги, и зачем-то встал в очередь.

Отоварив стоявшую перед ним тетеньку, она, не глядя, протянула руку. Он сунул авоську, она взяла, и вдруг из него вылетело:

– Здравствуйте, Алина Николаевна!

– Здравствуйте, Тимофей Григорьевич. Вам сколько картошки?

Про картошку он ничего не говорил, но не удивился.

– Пять кило. Если влезет.

– Влезет.

Авоська грохнулась на весы.

– Триста рублей.

– А лук есть?

– Есть. Полкило?

Он не успел сказать сколько, но хотел именно полкило.

Она взвесила лук, он взял сумку. Она повернулась к следующему покупателю, а он все продолжал топтаться у прилавка. Сам не зная зачем.

– До свидания, Алина Николаевна.

– Всего хорошего, Тимофей Григорьевич.

Это выглядело совсем уж по-дурацки, но он не ушел. Встал сбоку и продолжал смотреть, как она обслуживает покупателей. В голове жужжал рой вопросов, самым осмысленным из которых был один – какого черта она здесь делает?

Наконец, осознав всю нелепость своего «великого стояния», он поплелся домой.

У выхода оглянулся. Почему-то ему казалось, что она будет смотреть ему вслед.

Она не смотрела. Улыбалась толстухе в желтом берете.

«Прекрати», – приказал он себе.

Но не прекратил, а перед закрытием рынка приперся и пристроился на пустом ящике возле ее прилавка.

Врачиха уже все продала, но домой не торопилась. Убирала мусор, мыла прилавки и копошилась под ним, чем-то шурша.

– Долго еще? – не вытерпев, подошел он.

– Еще минуту, – пискнула она из-под прилавка.

– Я у входа буду стоять.

Не спросил, нужна ли помощь, не поинтересовался, хочет ли она, чтобы ее ждали, и вообще вел себя, как последний хам, но по-другому не получалось.

Интересно, почему?

Задуматься над этим вопросом он не успел: врачиха уже шла навстречу.

Он все же забрал у нее сумку с зеленью и пошел рядом, глядя под ноги.

– Я на Коммунарах живу. Далеко.

– Ага, – ответил он, считая шаги.

До ее дома их оказалось десять тысяч двести двадцать два.

– Не так уж далеко, – резюмировал он, с трудом разлепив губы.

Врачиха не ответила. Поднялась на крыльцо и протянула руку за сумкой.

– Я зайду? – спросил он и удивился: это еще зачем?

– Заходите, – пожала она плечами.

В доме было темно и пусто, из чего он заключил, что живет она одна.

– Это чей дом? Ваш?

– Бабушки. У меня только бабушка из родни. Три дня назад заболела, в больницу забрали, а рынок бросать нельзя. Место уйдет, потом не пробьешься. Вот торгую вместо нее.

– Тяжело? – зачем-то спросил он, хотя и так было понятно, что на рынке стоять – не в офтальмологическом кабинете сидеть.

Отвечать она не стала. Молча накрыла на стол и достала из холодильника бутылку водки.

– Я не пью.

– Тогда чаю?

– Кофе.

– Хорошо, – послушно кивнула она и достала из буфета турку.

После второй чашки его вдруг отпустило. Смог разговаривать как нормальный человек.

Впрочем, разговор все равно получался дурацкий и плоский. Как будто они случайные попутчики в плацкартном вагоне, где от скуки несут любую чушь, лишь бы чем-то себя занять до того радостного момента, когда можно будет ложиться спать.

Он видел, что она мается и ждет его ухода, но из непонятной вредности продолжал сидеть и пить кофе.

По-видимому, Алина поняла, что легко от гостя не избавиться, и приняла смиренный вид: перестала изображать гостеприимную хозяйку, желающую произвести выгодное впечатление, и ушла в себя, в свои мысли.

Заметив это, он замолчал. Она не заметила. Глядела в свою пустую чашку и водила пальцем по краю блюда. Теперь он мог разглядывать ее без опаски.

Оказывается, у врачихи нежная, совсем не загорелая кожа и контрастом – яркие, васильковые глаза, а очень светлые волосы смешно торчат вокруг головы. Или просто ветер их разметал, и они так и остались стоять растрепанным венчиком из светлых перышек.

– А я на Большевицкой живу, – зачем-то сказал он. – У двоюродной бабки. Только она померла.

Он ожидал вежливый вопрос, но она вдруг сказала:

– Я знаю.

Это было так странно, что он глупо переспросил:

– В каком смысле знаете?

– У нас все бабушки друг друга знают. Не обязательно общаются, но новости в их, как моя баба Сима говорит, «старушечьем кооперативе» распространяются мгновенно. Меня позвали, когда ей еще не стало совсем плохо.

– А зачем позвали?

Она подняла на него глаза и усмехнулась.

– Ну, я же врач.

– У нее что, со зрением плохо стало?

– И со зрением тоже, но тут другое. У нас ФАП уже полгода пустует, «Скорая» по таким случаям не ездит, только если уже при смерти, поэтому зовут любого врача, какой есть. Вернее, когда есть. Я как раз на выходные приехала.

– И что ты сделала? – не заметив, как перешел на «ты», поинтересовался Тим. – Выписала глазные капли?

– Нет, – словно не чувствуя раздражения в его голосе, ответила Алина. – Сделала укол дибазола и успокоительное дала.

– И все?

Это было не все. Она осталась на всю ночь. Утром Гого пришлось уводить ее чуть ли не силой. Они хотели отвезти старушку в больницу, но та не далась, уверяя, что ей полегчало настолько, что хоть в пляс. Состояние на самом деле стабилизировалось, к тому же баба Сима заверила, что за Танькой они с Галькой и Зойкой – так бабушки друг друга называли – присмотрят.

По пути назад они с Гогой все же заехали в районную больницу и договорились с врачом, что тот заедет в Новяк в понедельник. Через три дня она позвонила бабе Симе и узнала, что Танька «огурец огурцом».

Ничего этого Алина рассказывать не стала, пожала плечами и спросила, не хочет ли он вчерашних щей.

Надеялась, что откажется, но он взглянул свирепо и неожиданно согласился.

Господи, зачем она предложила! Так он никогда не уйдет!

– Что-нибудь еще? – спросила она, когда он опустошил тарелку. Со сметаной и двумя кусками батона.

Вышло не очень вежливо, и Алина смутилась.

– Нет, хватило щей с кофе. Теперь всю ночь не засну. А если повезет, еще и пронесет. Говорят, для здоровья полезно.

Это тоже прозвучало, мягко говоря, не слишком вежливо, поэтому оба поняли, что представление затянулось.

– Ну, что ж. Спасибо за приятный вечер, Алина Николаевна!

Генеральная уборка

Он был зол на себя весь вечер, всю ночь, а утром проснулся злым уже на весь белый свет.

Это что вчера было? Какого черта он поперся в гости к врачихе? Какого черта он вообще к ней прилип? Вел себя как последний debil, да еще шей зачем-то нажрался! А это «спасибо за приятный вечер»? Недаром она посмотрела на него, как на кретина в стадии обострения.

Постепенно Тим перешел на более крепкие выражения и, окончательно взбесившись, решил сделать наконец генеральную уборку.

Дом был запущен и вонял чем-то до ужаса тоскливым: старостью, болезнью и одиночеством.

Про одиночество он подумал назло себе. Растравлял свои раны перед рывком. Кстати, помогло. От злости Тим так навалился на работу, что уже к обеду дом принял человеческий облик и вонять перестал. Ну, почти. Для усиления эффекта от своего трудового подвига он распахнул все окна и натопил печь. Логика была такой – одно проветрит, другое просушит.

Неубранным оставался угол, где бабка Таня провела свои последние часы: стол и диван. Подкрепившись растворимым кофе с шоколадным батончиком – зачем-то купил вместе с макаронами, – Тим решительно сгреб со стола рецепты, квитанции, засохшие куски хлеба и прочую уже ненужную мелочь. Вымыл его средством с содой – этого чудо-средства у бабки были просто залежи – и занялся диваном.

Собрав в кучу белье, Тим запихал все в картофельный мешок и, вооружившись шваброй с намотанной на нее тряпкой, полез под диван. Хорошенько пошуровав там своим орудием, он выволок на свет божий кучу всякой дряни и пошел за совком. Тот обнаружился за помойным ведром и имел неприглядный вид: отломанная ручка и неровный край.

– Черт! Как тобой вообще пользоваться!

Но другого все равно не было. Из всех сил прижав совок к полу, он принялся заматывать на него мусор и заметил пустую ампулу. Нагнувшись, Тим поднял ее и прочел название – «дофамин».

Про дофамин он кое-что знал. После операции ему, в том числе, вводили и этот препарат, чтобы не случился шок.

И, кажется, дофамин еще повышает давление.

Повышает? Но у бабки Тани была гипертония!

Кинувшись к столу, Тим схватил прихваченный с собой рабочий планшет и набрал в поисковике слово «дофамин».

Так и есть. Аппарат используют при сосудистой гипотензии.

Тогда как он оказался у бабки под диваном? Кажется, Алина говорила, что ввела дибазол. Да, точно. Перепутать он не мог.

Присев, Тим принялся ворошить мусор в надежде найти еще что-то, но ничего не обнаружил, только кусочек сургуча с оттиском. Отвалился от чего-то. Он уже собирался кинуть его в ведро и вдруг подумал: откуда сургуч?

Привет из прошлого? Из чьего?

Тим поднял сургучный оттиск и поднес к глазам.

Печать настоящая, с надписью, только буквы странные: похожи на арабские и написаны не по-современному. А еще четко виден рисунок: типа, виноградная лоза или что-то подобное. Нет, точно лоза. От бутылки с грузинским вином, может? Откуда у бабки вино? Соседки принесли? Местные бабки и покупное вино – вещи несовместные. Наливка, самогон, бражка – это да! К тому же гипертонику со стажем вино, суживающее сосуды, – это ему врач сказал – противопоказано.

Тим задумчиво разглядывал сургуч, гадая о его происхождении, и не мог придумать удобоваримого объяснения. Печать слишком мала для чего бы то ни было, но главное заключалось в том, что она... ни на что не похожа. Странная, в общем. Как будто из другой эпохи.

Старинная? В селе Новяк? Прикольно.

Он не придумал ничего лучшего, как сунуть сургучный оттиск в ящик комода, в котором после уборки остались только ножницы, очечник и две чистые тетради в клетку. В очечнике находке самое место. Поразмыслив, Тим положил туда же пустую ампулу, происхождение которой беспокоило его по-настоящему.

Как выяснить, откуда она взялась? Есть только один вариант, но туда он не пойдет ни за какие коврижки! Хватило и вчерашнего позора.

Тим пошел туда вечером, когда решил, что врачаха уж точно дома. Если, конечно, не уехала. И почему он не спросил, как долго она пробудет в Новяке?

Наверняка уехала. Особенно после того, как к ней повадились ходить гости вроде него.

Врачаха не уехала. Сидела у окна с телефоном. Чтобы лучше видеть?

Легкая штора была задернута, и сквозь нее отчетливо виднелся абрис ее головы. У нее был смешной профиль: длинная шея, лохматый шарик из волос, выпуклый детский лоб и курносый нос.

Тим подошел совсем близко к стеклу и пальцем обвел силуэт.

Она не повернула головы. Увлеклась соцсетями или строчит сообщение любовнику? Хотя почему любовнику? А если мужу?

Вот черт! Он даже не поинтересовался, замужем ли она! Ну, не debil?

Тим отдернул руку и повернулся, чтобы уйти, но через секунду уже стучал в дверь.

– Это я, Алина Николаевна, ваш вчерашний гость! – бодро гаркнул он.

Дверь отворилась, и Тим увидел именно то, что ожидал: сдержанное разочарование и откровенное недоумение.

– Чем обязана? – великосветским тоном произнесла Алина.

Ясно. Ему здесь не рады.

Да плевать!

– Я по делу.

Протиснувшись между ней и косяком, Тим протопал в комнату.

– Проблемы со здоровьем? – спросила она из-за спины.

– Вроде того.

– Я слушаю.

Достав из очечника ампулу, Тим поводил ею у Алины перед носом. Ожидал ее реакции, но она только приподняла бровь.

– Не узнаете?

– А должна?

– Я нашел это у бабки. Точнее, под ее диваном.

– Дофамин?

– Не подскажете, как он там оказался?

– Понятия не имею. Это вообще исключено. У нее была некорригированная тахикардия.

– Я вру?

– А я? Мне-то зачем?

– Хотел бы я знать.

– Тимофей Григорьевич, вы понимаете, что говорите?

– Если не вы, то кто мог вколоть гипертонику препарат для повышения давления? Врач из района?

– Это невозможно! Дико даже предполагать подобное! Перепутать он не мог! Ведь это означало бы...

– Что? Что это означало? Ну! Говорите!

– Дофамин мог убить бабушку Таню.

– Не мог, Алина Николаевна, не мог. Он ее убил!

– Да что вы несете! Убить старуху? Кому это надо?

– Пока не знаю.

– Это чушь, Тимофей Григорьевич, и вы сами это знаете.

– Тогда откуда пустая ампула?

– Она могла проваляться под диваном несколько лет! Дайте посмотреть!

Алина выхватила ампулу.

– Ну что?

– Дата изготовления... июнь этого года.

– Что теперь скажете?

Алина вернула ампулу и села, уставившись в одну точку.

Все это время Тим внимательно следил за ее реакцией и не заметил даже секундной фальши, но это ничего не значило. Возможно, врачиха была готова к разговору, поэтому разыграла неведение пополам с невинностью.

Или нет?

Зачем ей убивать бабку, которую она едва знала? Кому вообще понадобилось убивать нищую старуху?

В самом деле – полная чушь.

Тим сел напротив и сцепил пальцы рук. Так он делал всегда, когда нужно было сосредоточиться.

– Алина Николаевна, расскажите все, что помните.

Она подняла глаза. Честные и очень красивые.

– Я уже все рассказала, Тимофей Григорьевич. После того случая я вашу бабушку больше не видела. К бабе Симе приехала через день после похорон.

– Кто еще приходил к бабке, пока вы были здесь?

– Точно не знаю. Баба Сима, соседка – та, что у клуба живет, – и все. Больше я никого не видела. Мы уехали утром, часов в десять.

– Мы?

– Мы с Георгием. Это мой молодой человек. Он был со мной в тот приезд.

– Он тоже заходил к бабке Тане?

– Я осталась у нее на ночь. Он зашел за мной.

– И вы сразу ушли?

– К чему эти расспросы? Меня вы еще можете подозревать, но Гога вообще ни при чем. Он видел вашу бабушку первый и последний раз в жизни.

– Так вы ушли сразу?

– Говорю же... Нет, было рано. В смысле, в тот момент ее состояние еще не стабилизировалось. Мы ждали еще часа полтора. Или два. Потом пришла баба Сима, и мы уехали. Машина Георгия стояла у ворот.

– Ваш Георгий... Что он делал?

– Господи! Да ничего! Ждал меня! Тимофей Григорьевич, прошу – перестаньте! Ваши подозрения не имеют смысла! Никто не убивал вашу бабушку! Она умерла естественной смертью! Болела много лет!

Алина встала и отошла в угол комнаты, как будто не хотела находиться рядом с ним.

Ее бегство вдруг заставило его очнуться и осознать всю нелепость происходящего.

Чего он к ней прицепился? Ясно же, что эта, с васильковыми глазами, никого убить не может. И соврать тоже.

Или все-таки может? И врать. И убивать.

Чтобы не зайти в своих мыслях слишком далеко, Тим торопливо попрощался и еще более спешно ушел, а утром выяснилось, что Алина уехала. Оскорбилась? Испугалась?

В любом случае адрес офтальмологической клиники известен, так что далеко не убежит.

Сургуч

Поразмыслив, Тим оделся попримечнее и поехал в районную больницу, купив на станции яблок, а в магазине – сок и пряники. Бабушка Алины лежала в кардиологии, и было понятно, что больничные радости ей давно осточертели. Внуку Таньки старушка обрадовалась, как родному, усадила на единственный стул, и под пряники с персиковым соком они принялись вспоминать покойницу и их житье-бытье.

Про отъезд внучки баба Сима знала.

– Ведь надо ей на работе показаться, чай, не частная лавочка – центр! А к выходным вернется. Обещала, значит, вернется.

Его осторожному вопросу о том, кто приходил к бабке Тане в последнее время, она не удивилась и ничего не заподозрила.

– Да мало кто ходил. Мы с девчонками и то редко.

– А врачи?

– Фельдшерица была раза два и врач один.

– Давно?

– Врач за три недели до смерти, и то его Алиночка заставила, а фельдшер – вот профурсетка, прости Господи, – уж когда Танька помирать собралась. Прибежит на пять минут и убежит! Чего ждала, я не знаю, только лучше Таньке не становилось.

– Так, фельдшер вообще ничего не делала?

– Делала, конечно, только я думаю, что эта профурсетка на нее лекарства тратить не хотела. Видела, что толку не будет. Таньке все равно как! Если бы не моя Алиночка, твоя бабка еще тогда бы откинулась.

Как только разговор коснулся Алины, бабу Симу понесло. Тиму оставалось только слушать.

Насторожился он, когда та упомянула Георгия.

– Гога этот ее с пути не собьет. Хоть и балованный он. Все о себе печется. Уговаривает Алиночку перейти в частную клинику. Там, мол, платят больше. Но она – кремень! Мне, говорит, моя работа нравится, и все тут!

– Алина говорила, он с ней к моей бабке ходил.

– Ходил, да только не к Таньке. На хрен ему старуха сдалась? Он все Алину сманивал уехать. У него, дескать, встреча важная в городе. Спешит он, дескать. Торопил, торопил и потом все же уволок.

– Не слишком вы его любите, я вижу!

– Не пойму я его, вот в чем дело! Всего раз и приехал, может, из-за этого! Вот ты мне скажи: почему она его раньше не привозила? Он не хотел или она?

– И кто, по-вашему?

– Да кто ж знает! Не разберу я их! Хотя, может, он и хороший человек! Алиночку все обнимает, поглаживает.

– А она его? – не сдержавшись, спросил Тим.

Баба Сима подперла кулаком щеку и задумалась.

Тим поерзал на стуле. Он собирался развить тему, но тут в палату зашла сестра и попросила его уйти.

Попрощавшись, Тим вышел, размышляя об услышанном.

Узнал он, в сущности, немного, но история с посещением фельдшера его насторожила. Она имела возможность вколоть больной все, что угодно. Только непонятно, зачем. Убить бабу, чтобы больше не тратить на нее время? Никогда о таком не слышал, но кто знает, может, фельдшерица сумасшедшая!

Выяснить это Тим решил немедленно, раз уж добрался до больницы.

Фельдшерицу звали Нина Петровна, и едва Тим на нее взглянул, сразу понял, что, как говорят в кино, «тянет пустышку». Можно было смело утверждать, что мысль об убийстве кого бы то ни было, кроме курицы и комара, никогда не посещала ее голову. Нина Петровна была из «старой гвардии». Могла ругаться, хамить подопечным, но при этом делать свое дело честно и добросовестно. Зря бабка Сима на нее наговаривала и профурсеткой обзывала. К бабке Тане фельдшер заходила регулярно и делала, что могла.

– Иной раз прибежишь уже после работы, быстренько все сделаешь и назад. А что делать? У меня еще двенадцать таких, как она. Главный вообще велел на нее лекарство не тратить, только успокоительное колоть. Так я на свои покупала.

– А что вы ей кололи?

– Дибазол, когда не критично, а чаще капельницы с магнием двадцатипятипроцентной ставила. Они привычнее. Знала, как действует, когда сработает.

– А бабка не рассказывала: может, к ней соседки приходили и тоже что-то кололи?

– Нет, какое там! Она осторожная была. Соседкам не доверяла. Особенно Симе. Вот ведь зараза такая! Думает, что лучше всех все знает, потому и лезет со своими советами. Это попей, да это поколи! Мне, мол, помогло и тебе поможет! А разве так можно? У каждого свои особенности. Организмы все разные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.